

В любой другой обстановке ниндзя был бы милым, с мягкими чертами лица, благодаря которым он всегда выглядел на несколько лет моложе своего реального возраста. Волосы его были в нарочитом беспорядке, справа от лица - чёлка с двумя жёлтыми звёздочками, которые понравились бы Сакуре, когда ей было лет восемь, сами волосы - светло-каштановые со странным фиолетовым оттенком, глаза - жёлтые.

Его одежда дополняла образ ребячества, который он усиливал своей манерой речи. Рукава рубашки были достаточно длинными, чтобы почти полностью скрыть его руки. "Я снял ее вон с того парня, - беспечно продолжал он, указывая свитком на Досу, - так как не похоже, что она ему нужна. Просто чтобы ты потом не удивлялся, куда он делся".

"Кин бросилась вперед, но, убрав свиток, выхватила длинный нож из горизонтальных ножен за спиной. Он уклонился от ее удара, открыв порез на руке, когда она слегка перенапряглась. Порез получился не очень длинным, но глаза Кин расширились, а затем она вскрикнула.

Кин не переставала улыбаться, отступая от него, и ее дыхание переходило в придыхания, похожие на придушенные крики. Ее шаги были нетвердыми, она побледнела, и на ее лбу выступили первые бисеринки пота. Сакура впервые разглядела его нож, и он показался ей странным и жестоким, с глубокими зазубринами по всей длине лезвия. Кажется, на лезвии был выгравирован какой-то декоративный узор, но она не могла его разглядеть и не собиралась рисковать, подходя ближе.

"Кин, какого черта..." потребовал Заку, спустившись с места, где он осматривал окрестности, но тут же прервал себя, увидев, что к полю присоединился кто-то еще.

"Получил-наш-свиток", - прохрипела Кин, - "твоя очередь", - и отступила, едва не рухнув на дерево на дальнем краю поляны, когда опорожнила желудок.

Глаза Заку сузились, и он пристально посмотрел на вмешавшегося. "Из какой ты деревни? Разве ты не должен быть со своей командой, а не вмешиваться в чужие битвы?"

Незнакомец пожал плечами. "Разве моя деревня имеет значение? В этом лесу нет друзей. А что касается моей команды, то, - и в его глазах появилось странное выражение, хотя тон его не утратил легкости, - пришел песочник и забрал их всех, так что мне очень, очень захотелось кому-нибудь навредить. А когда я наткнулся на вас, пытающихся свалить слишком большую для вас добычу, я не смог удержаться. Это ведь нормально, правда, Оне-сан?" - спросил он, обращаясь к Сакуре. То, что он спросил это таким же тоном, каким ребенок просит печенье, насторожило ее, но она склонила голову в знак согласия. Лучше один сомнительный союзник, чем еще один враг.

Заку воспринял это как вызов, потому что на этот раз взрыв из отверстий в его руках был намного, намного мощнее, прокладывая борозду. Но пока Сакура отпрыгивала в сторону, незнакомец не двигался, и прежде чем воздушное лезвие успело коснуться его, он уже убрал нож в ножны, на его руках проступили знаки, и он сделал резкий жест ртом, похожий на лай собаки.

Глазами она этого не видела, но пыль и трава, сдутые столкновением фронтов ветра, наводили на мысль о ниндзюцу природы ветра.

Заку нахмурилась, но ее встревожило движение неподвижного тела Досу. Незнакомец проследил за направлением ее взгляда. "Никаких предпочтений, нии-сан, одна боль не хуже другой", - отсалютовал он и безразлично направился к забинтованной Ото-нин. Она постаралась выбросить из головы странную хрупкую твердость в его глазах, потому что Заку приближался.

Она с горечью подумала о том, что эти туннели требуют гораздо меньше чакры, чем обычные манипуляции с природой, и насколько глубоки его мешочки с оборудованием, потому что он не предлагал ей закрыться и не выказывал никаких признаков истощения, которое она чувствовала. А без закрытия у нее не было возможности закончить битву в свою пользу, оставалось лишь отчаянно поддерживать патовую ситуацию.

По крайней мере, он спустился с деревьев, и Сакуре пришла в голову одна мысль.

В подсумке у нее лежали взрывчатые вещества, и она не хотела их использовать, но в голове тяжело ворочалась мысль, что если бы она нанесла удар сильнее, быстрее, решительнее, то на ее совести было бы на одну смерть больше, но на один страх меньше. И она поняла, что это та грань, которую она готова размыть, если это означает выживание. Было ли это достойно восхищения или нет, она не знала, но знала, что единственной мыслью в ее голове было не сожаление, а сосредоточенность на том, чтобы смотреть налево, а не направо.

Она не поднимала глаз, ни разу, полностью полагаясь на свою память, пока совершала расчетливое отступление. Она пыталась уследить за всеми и за всем на поляне, но это оказалось выше ее сил, поэтому она сделала все возможное, чтобы ее следующие атаки были рассчитаны, потому что время будет иметь значение.

Кунаи, торопливо надетые на рукоятки, вздымали в воздух грязь, скрывая полет одного куная, который не полетел вместе со своими собратьями. Вторая, более тяжелая волна заставила его отступить назад и перекрыла шум меньших взрывов над головой, и она бросилась вдогонку, не давая ему возможности обращать внимание ни на что, кроме нее. Однако что-то, должно быть, предупредило его об опасности, потому что в последнюю секунду, почти слишком поздно, он поднял глаза.

Этого оказалось достаточно, чтобы спасти ему жизнь, но массивный ствол все равно задел его плечо, несколько тонн дерева обрушились на него и вырвали его из сустава, сломав ключицу и заставив упасть на колени.

Когда ствол упал на землю, это произошло с низким, мощным звуком и грохотом, от которого содрогнулась земля.

"Неплохо", - прокомментировал голос за ее плечом, и она оглянулась, чтобы увидеть, что их собеседник наблюдает за происходящим с чувством явного удовлетворения.

Оба они вздрогнули, когда по поляне внезапно разлилась зловещая аура, предвещающая извержение чакры фиолетового оттенка. Сакура замерла, ее сердце громко стучало в ушах, и она заметила, откуда исходит эта чакра. "Сасуке-кун", - произнесла она, срывая голос на втором слого его имени.

"Кто?"

"Мой товарищ по команде".

Он вопросительно поднял брови и проследил за ее взглядом. "Твой товарищ по команде", - повторил он с интонацией, которая говорила сама за себя. "В таком случае я могу спокойно уйти, Ни-сан. Играть было интересно, но, похоже, ваш товарищ по команде в смятении. Вот, Ни-сан, - сказал он, вложив что-то в ее ладонь. "Подарок за то, что ты хорошо отнеслась к свитку".

Она даже не взглянула вниз, чтобы посмотреть, что это. "Свиток не имел для меня никакого значения", - с горечью сказала она. "Ты мог бы взять наш, если бы захотел. Спасибо, что помогли".

Она тихонько рассмеялась. "Не думаю, что она была тебе нужна, но возможность была слишком хороша, чтобы ее упустить. Если я не мог тронуть Суна-нин, то высокомерные Ото-нин были достаточно хороши. И мне нужен был всего один свиток", - сказал он. "Дело в принципе. Если мои товарищи погибли ради миссии, то я, по крайней мере, смогу ее завершить, независимо от того, получу я повышение или нет".

С этими загадочными словами он исчез, а Сасукэ-кун взобрался на ствол дерева, словно демон из преисподней: глаза его стали красными от Шарингана, а по коже поползли отметины, похожие на черные языки пламени. Двигался он странно, не то чтобы пошатываясь, но словно не полностью контролируя свое тело.

Он оглядел поле боя: Заку все еще стоял на коленях, держась за плечо, которое сидело гораздо ниже, чем следовало, Досу задыхался от короткой схватки с незнакомцем, то и дело тряс головой, словно не мог заставить себя сосредоточиться, а Кин все еще издавала эти ужасно болезненные звуки, слезы свободно текли по ее щекам, так как рука распухла, а края раны посинели.

Сакура тоже тяжело дышала, сенбон все еще застревал в ее плоти, из неглубоких ран от кунаев, от которых она не успела увернуться, текла кровь, а все ее тело было словно в синяках от атак Заку.

Этого, видимо, было достаточно, чтобы обидеть Сасукэ-куна, потому что его взгляд метнулся по Ото-нин, как ястреб по кролику, попавшемуся на приманку. "Они тебя ранили", - заметил он низким, ровным голосом, и его ноги уверенно понесли его по стволу к тому месту, где лежал Заку, а другой мальчик с трудом поднимался на ноги.

Сакура даже не заметила, как Сасукэ-кун сдвинулся с места, но внезапно он оказался позади Заку и поставил его на колени, а его хорошая рука была вывернута назад в подавляющем захвате. "Надо бы сделать из этой руки подходящую пару", - сказал он, выкручивая руку назад и вверх, пока она не треснула, и Заку не закричал.

Самодовольная ухмылка исказила губы Сасукэ-куна, как и в том гендзюцу, которое ей показывал Какаши-сенсей. Она дрожала, глядя, как черное пламя скользит по бледной коже Сасукэ, и вздрагивала, когда он выкручивал руку Заку просто потому, что мог. Она слушала, как он говорит о силе, о том, что он мститель, и о том, что он готов на все, чтобы убить человека.

Она хотела остановить его, хотела оттащить, но Сакура боялась прикоснуться к нему.

"Сасукэ!" - резко сказала она, и он поднял голову, встретившись с ней взглядом. Его глаза снова были дикими, но на этот раз не от страха. "Сасукэ, прекрати это. Им конец. Все кончено. Мы... мы победили", - последнее слово прозвучало с горечью на языке.

Ей не понравилось, как Сасукэ смотрел на нее, но он отпустил Заку, лишь прижав ниндзя ногой, когда тот должен был стоять. "Он причинил тебе боль, Сакура", - сказал ей Сасукэ. "Ты не должна его жалеть".

Сакура не жалела, до этого момента, и дело было не столько в том, что она чувствовала непреодолимую жалость к вражескому шиноби, сколько в том, что ее беспокоили действия Сасукэ. Он не был тем незнакомцем, которого она, возможно, больше никогда не увидит. Он был тем, кого, как ей казалось, она знала. Тот, кому она доверяла. Она сделала несколько шагов вперед, пока не оказалась у головы Заку, и грубо потянула его за воротник. "Иди", - отрывисто приказала она Заку, и в этот момент все его слова, казалось, испарились.

По глазам Сасукэ было видно, что ему не нравится, что они отступают, и Сакура поспешно освободила последний сенбон Кина, позволив ему упасть к ее ногам. А затем, овладев собой, она неуверенно обняла его, нежно сжимая руки. "Пожалуйста, - прошептала она, - отпусти их".

Сакура не знала, пожалеет ли она о том, что пощадила их, но какой-то глубинный инстинкт подсказывал ей, что она пожалеет еще больше, если натравит на них Сасукэ, пока он будет в таком состоянии. Когда-то она боялась его способностей, но впервые она боялась самого Сасукэ. Это был не её товарищ по команде, не тот мальчик, который говорил о силе, не считаясь с ценой, и смотрел на уродливые отметины, проступающие на его коже, как на некое откровение.

Орочимару сказал, что Сасукэ будет искать его.

Она не ожидала, что обожаемый ею мальчик так легко поддастся на уговоры, но даже когда отметины отступили, она всё ещё не могла заставить себя чувствовать себя рядом с ним спокойно.

Зарывшись лицом в его шею, она просто хотела вернуть Сасукэ-куна.

<http://tl.rulate.ru/book/100569/3440719>